

DOI: 10.31696/S086919080033989-4

ОТРАЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ИМПЕРСКИХ ИДЕЙ
В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЯПОНСКИХ ИСТОЧНИКАХ. ЧАСТЬ 1¹

© 2025

Ю.И. ДРОБЫШЕВ ^a

^a – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

Резюме: Подобно многим странам Евразии, Япония тоже стала в XIII в. объектом монгольской агрессии. Основатель монгольской династии Юань хаган Хубилай (1215–1294, правил 1260–1294) пытался как дипломатическим, так и военным путем добиться ее подчинения, но ни он сам, ни его потомки не смогли это сделать. По-видимому, сначала Хубилай настаивал только на признании своего старшинства, что требовалось ему для поднятия своего престижа в глазах и монголов, и уже покоренных народов, но позже он намеревался включить Японию в состав своей империи. В статье обсуждаются идеологические аспекты противостояния, в ходе которого проявились претензии монгольского владыки на гегемонию в Восточной Азии, смоделированные с китайской внешнеполитической доктрины и в то же время сохранявшие отдельные элементы степной имперской традиции. Несмотря на то, что в японских источниках сохранились письма Хубилая, написанные в духе «мироустроительной» риторики, а сам великий хан фактически позиционируется как «Сын Неба», можно однозначно утверждать, что для японцев монголы и их союзники были не носителями высоких политических идей, а пиратами и грабителями. Поэтому литература средневековой Японии лишена каких-либо намеков на то, что необходимо подчиниться новому мировому порядку, который монголы хотели принести на острова. Напротив, японское военное правительство сумело мобилизовать силы и отбить оба нападения, причем широко прославившиеся тайфуны, которым обычно придается едва ли не решающая роль в неудачах монгольских захватчиков, как показывают источники, на самом деле имели второстепенное значение. Однако миф о камикадзе был выгоден обеим сторонам: он оправдывал поражение юаньских военачальников и усиливал боевой дух японцев, еще сильнее поверивших в божественную защиту своей страны. В оценке японцами происходивших коллизий переплелись буддийские и синтоистские идеи.

Ключевые слова: Япония, японские источники, монгольские завоевания, Монгольская империя, имперская идеология, Хубилай

Для цитирования: Дробышев Ю.И. Отражение монгольских имперских идей в средневековых японских источниках. Часть 1. *Восток (Oriens)*. 2025. № 2. С. 47–57. DOI: 10.31696/S086919080033989-4

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Научного Фонда (РНФ), проект № 24-18-00407 «Завоевание мира и крах глобальной империи: монгольское нашествие в судьбах русских земель XIII в.». Благодарю С.А. Родина и А.М. Дулину за советы и замечания.

REFLECTION OF MONGOLIAN IMPERIAL IDEAS
IN MEDIEVAL JAPANESE SOURCES. PART 1²

© 2025

Yuliy I. DROBYSHEV ^a^a – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

Abstract: Like many other Eurasian countries, Japan also became an object of Mongol aggression in the 13th century. The founder of the Mongol Yuan dynasty Qubilai (1260–1294) tried to subjugate Japan both by diplomatic and military means, but neither he nor his descendants were able to do so. Apparently, at first Qubilai merely sought recognition of his seniority, which he needed to raise his prestige in the eyes of both the Mongols and the already conquered peoples, but later he intended to include Japan in his empire. The article discusses ideological aspects of confrontation, during which the Mongol ruler's claims of hegemony in East Asia were manifested, modeled on the Chinese foreign policy doctrine and preserving certain elements of the steppe imperial tradition. Despite that, Qubilai's letters based on "world-building" rhetoric, where he positioned himself as the "Son of Heaven", have been preserved in Japanese sources, even though for the Japanese, the Mongols and their allies were not carriers of high political ideas but pirates and robbers. Therefore, Japanese literature is devoid of any hints that the country needed to submit to the Mongols' vision of the world order. On the contrary, the Japanese military government managed to repel both attacks, and the widely known typhoons were actually of secondary importance. However, the kamikaze myth was beneficial to both sides: it justified the defeat of Yuan warlords and strengthened fighting spirit of the Japanese, whose belief in the divine protection of their country was reinforced even more. The Japanese view of the conflict combines Buddhist and Shinto ideas.

Keywords: Japan, Japanese sources, Mongol conquests, Mongol Empire, imperial ideology, Qubilai

For citation: Drobyshev Yu.I. Reflection of Mongolian Imperial Ideas in Medieval Japanese Sources. Part 1. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 2. Pp. 47–57. DOI: 10.31696/S086919080033989-4

Говоря о монгольской имперской идеологии XIII–XIV вв., нельзя пройти мимо столкновений монголов с японцами в 1274 и 1281 гг. [Nakaba Yamada, 1916; Kyotsu Hori, 1967; Ishii Susumu, 1990, p. 131–148; Kawazoe Shoji, 1990, p. 411–423; Толстогузов, 1995, с. 219–235; Кадырбаев, 2007; Turnbull, 2010; Li Narangoa, 2022]. Попыткам вторжения на острова предшествовали дипломатические усилия Хубилая склонить японские власти к подчинению. Представляет интерес разобраться, каким было соотношение монгольского и китайского «империализма» в требованиях Хубилая, который одновременно был и номинальным главой Монгольской империи (по крайней мере, его старшинство признавал Ильханат), и, по сути, китайским императором, унаследовавшим Мандат Неба. Известно, что японское военное правительство – *бакуфу* не приняло его требования и дважды организовало захватчикам эффективный вооруженный отпор, при этом войска вторжения расценивались в японских источниках как «иноземные пираты» без малейшего намека

² The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00407 "The conquest of the world and the collapse of the global empire: the Mongol invasion in the fate of the Russian lands in XIII century". I thank S.A. Rodin and A.M. Dulina for their advices and comments.

на то, что они несли на острова новый мировой порядок, установленный Вечным Синим Небом – персонифицированной божественной сущностью кочевников Центральной Азии, стоявшей выше любого из богов Японии.

Существует четыре типа японских письменных источников, из которых можно почерпнуть сведения о вторжениях монголов (*мо:ко сю:рай*). Самый знаменитый, наглядный и в то же время далеко не самый информативный применительно к нашим задачам источник – «Свитки монгольского нашествия» («*Мо:ко сю:рай экотоба*»), выполненные около 1293 г. по поручению самурая Такэдзаки Суэнага (1246 – ок. 1324) с целью запечатлеть его ратные подвиги и, соответственно, получить за них награду. Сейчас свитки находятся в Музее императорских коллекций в Токио. Они неоднократно публиковались, в том числе в сети Интернет, и положили начало обширной исследовательской литературе, из которой особо отметим англоязычную монографию Т. Конлэна [Conlan, 2001]. Хотя автор воспроизвел свитки монохромно, он не только дал перевод сделанных на них надписей³, но и присовокупил переводы документов *бакуфу*, относящихся к монгольскому вопросу, и сопроводил данное издание большой исследовательской статьей.

Светская литература, охватывающая документы императорского двора и *бакуфу*, исторические сочинения, дневники придворных, интересна как свидетельство восприятия японским обществом монгольской угрозы и самих монголов, а также имеет большую ценность благодаря содержащейся в ней официальной переписке. Вместе с тем мемуары и исторические произведения жанра «Зерцал» весьма немногословны, когда речь заходит о монгольских вторжениях [Keene, 1999, p. 825–826, 841, 1124].

Религиозная литература погружает нас в мир синтоистских и буддийских божеств, к которым обращались за помощью против захватчиков. Из нее прежде всего надо выделить «Наставление глупым детям о Хатиман» («*Хатиман-гудо:кун*»), составленное служителем святилища Ивасимидзу предположительно в начале XIV в. Это произведение состоит из двух частей; первая часть посвящена роли, которую, согласно данной традиции, в отражении монголов сыграл Хатиман, чей культ в течение нескольких предшествовавших веков эволюционировал от локального божества до всеяпонского бодхисаттвы-охранителя [Bockhold, 1982; Repp, 2002; Дулина, 2015, 2018; Tyler, 2017].

Наконец, особую категорию составляет богатое письменное наследие оригинального буддийского мыслителя, реформатора и бескомпромиссного приверженца «Лотосовой сутры» Нитирэна (1222–1282), который использовал монгольскую угрозу как подтверждение правоты своих взглядов. Его точка зрения на глубинные причины нашествия монголов похожа на таковую представителей монотеистических религий западной части Евразии; она близка к древнерусскому пониманию смысла этого бедствия и в этом плане нехарактерна для политеистического Востока. Подробнее мы обсудим ее ниже.

Историки высказали несколько объяснений причин монгольских вторжений на японский архипелаг. Одним из аргументов служит высказывание Марко Поло (1254–1324), служившего при дворе Хубилая: «Богатый остров, и не перечать его богатства. Когда великому хану Кублаю, что теперь царствует, порассказали об этих богатствах, из-за них захотел он завладеть этим островом» [*Книга Марко Поло*, 1997, с. 315]. Действительно, Хубилай должен был знать о том, что из Японии в Китай привозили золото, и желание прибрать к своим рукам ресурсы страны было бы для него вполне естественным. Однако даже если это так, оставались другие, не менее важные мотивации.

Уже в первом послании Хубилая, отправленном в Японию в 1266 г., но доставленном лишь почти два года спустя⁴, наблюдается смесь монгольских и китайских идеологем

³ Существует также русский перевод этих текстов: [Коляда, 2016].

⁴ Оригинал этого письма до сих пор хранится в буддийском храме Тодайдзи в г. Нара. По мнению специали-

с явным преобладанием последних. Примечателен его зачин, сразу же показывающий субординацию сторон и задающий письму покровительственный тон: «Император дает вану Японского государства послание: Мы полагаем вас господином издревле малого государства, границы и земли которого соприкасались [с нашими], а о делах [мы] издавна договаривались с доверием и соблюдением дружеских отношений, что уж говорить теперь – когда наш предок (Чингис-хан (1162?–1227). – Ю.Д.) получил мандат Неба. Целиком владем землями китайцев, а что касается дальних чужеземных стран, которые как трепещут [от нашего] могущества, так и помнят оказанное нами добро, то невозможно всех и подсчитать» [Храпачевский, 2019, с. 130–131]. Напомним, что, при определенном сходстве степной и китайской политических доктрин с акцентом на силе и воле Неба, кочевники не использовали канцелярских оборотов, которые можно было бы уподобить китайскому «Небесному Мандату», и пускали его в ход тогда, когда им было необходимо объяснять самим китайцам или народам, жившим в сфере влияния китайской культуры, на каком основании те должны покориться монгольскому хагану. Наконец, ниже составители письма ссылаются на «Совершенномудрого», т.е. Конфуция, считавшего «всех живущих между четырьмя морями» одной семьей [Храпачевский, 2019, с. 131]. Понятно, что для номадов Конфуций редко бывал авторитетом, а «четыре моря» не считались у них границами мирового пространства.

Сопроводительное письмо корейского вана Вонджона (1259–1274), втянутого в это посредничество явно против его желания, разъясняло, что цель Хубилая – не завоевание Японии, а поднятие престижа своей династии, и это очень похоже на правду⁵. Как известно, интронизация Хубилая была воспринята кочевой элитой весьма неоднозначно, так как его брат Ариг-Бука имел больше прав на общемонгольский трон, поэтому дополнительные средства легитимации, в том числе и с опорой на китайский опыт, были сильно востребованы. По-видимому, Хубилаю, к тому времени «умиротворившему» своего брата и активно примерявшему к себе имидж китайского императора, на самом деле незачем было замышлять покорение островов где-то на краю обитаемого мира, но заручиться признанием японцами его старшинства было совсем не лишним. Помимо вышеотмеченной внутриполитической причины, существовало еще три. Во-первых, это подняло бы его авторитет в глазах китайцев, часть которых уже находилась в его подчинении, а другая часть на Юге ожидала своей очереди. Во-вторых, хаган должен был показать Японии, что теперь в сношениях с материком она должна обращаться к нему, а не к Южной Сун, с которой поддерживала, пусть и неофициально, торговые и культурные связи и в этом плане могла считаться ее союзником. В-третьих, как сами военные приготовления, так и их предполагаемый благоприятный исход усиливали монгольское доминирование над Кореей [Kawazoe Shoji, 1990, p. 415; Россabi, 2009, с. 164].

Надо полагать, *бакуфу* правильно углядело за внешне мирными речами монгольского монарха угрозу своей независимости и отреагировало выпуском указа, в котором были такие слова: «Недавно было доставлено послание, из которого видно, что монголы имеют злое сердце в отношении нашей страны» [Толстогузов, 1995, с. 221]. В те годы *бакуфу* возглавлял Ходзэ Токимунэ (1251–1284), восьмой регент при *сёгуне*. Сразу по получении послания от монголов он обратился к вассалам-*гокэнин* с обращением, в котором уведо-

стов, его содержание передано в «Юань ши» достаточно точно.

⁵ Здесь уместно напомнить, что Чжу Юаньчжан (1328–1398, правил 1368–1398) – основатель китайской национальной династии Мин, сменившей Юань, при своем восшествии на престол не замедлил известить соседние государства, кому они должны теперь подчиняться. Корея, Вьетнам и Чампа быстро прислали ответные посольства с признанием вассалитета, но взаимоотношения минского двора с Японией по ряду причин складывались сложнее [Wang Yi-t'ung, 1953, p. 10–21; Ma Guang, 2017].

мил их о том, что монголы тайно планируют захватить Японию, и призвал их готовиться к обороне.

Не дождавшись ответа, Хубилай в 1269 г. снарядил новое посольство, которое, однако, добралось только до острова Цусима, где захватило двух японцев и с ними вернулось в Пекин. Хубилай принял пленников ласково, показал великолепие своего дворца и в составе своей третьей по счету миссии в том же году отправил домой со словами: «Я покорил все государства Азии. Что же касается вашего маленького государства, то подчинить его себе мне ничего не стоит. Однако я не сделаю этого. Даю вам честное слово, что с меня будет достаточно, если ваше государство признает, хотя бы номинально, мою власть над собою. Этого мне хочется для прославления моего имени. Передайте эти мои слова Вашему Повелителю» [Недачин, 1911, с. 44]⁶. Миссия доставила очередное послание, в ответ на которое 7-го числа 1-го месяца 1270 г. японский императорский двор подготовил письмо, где, в частности, говорилось: «Мы познакомились с его содержанием и тщательно обсудили его. Оказалось, что слово “Монголия” нам до сих пор было незнакомо и мы с трудом догадались, что это слово значит. Мы брали Ханьские и Танские книги (китайские), а также другие иностранные словари, знакомились с соседями Китая, изучали его границы, но такого народа не оказалось. Ни худого, ни хорошего мы против Вас не имеем, но у нас не представлялось причины завязать сношения с Вами. Теперь мы, хотя и получили Ваше 2-е письмо, более любезное чем раньше, но все еще сомневаемся в Вашей искренности; хотя Ваши конфуцианские и буддийские книги с их учением не убивать никого очень почтенны и хотя сам Император называет свою страну стремящейся к миру и избегающей завоевательных стремлений, но мы этому сильно не доверяем. Свет богини Тен-сёо-коо-дай-цзин (Богиня Солнца, назыв. также Аматерасу) проходит божественную нитью до нынешнего времени чрез всю нашу страну, в лице наших Императоров – потомков ее. Этот свет Японии льется во все места (мира) и влияние его распространяется везде. Кто же после этого осмелится быть равными нам, или мериться с нами силами?» [Недачин, 1911, с. 46]. Отправке этого послания, к счастью для самой же Японии, воспрепятствовало *бакуфу*, и Хубилай не прочел дерзких слов, которые, быть может, были специально написаны ему в пику. Можно полагать, что это несколько отсрочило наступление вооруженного этапа противостояния двух стран.

Тем временем дзэнский священнослужитель Тёгэн Эйан (?–1277), хорошо разбиравшийся в международной политике и тоже считавший Японию превосходящей все прочие государства, в одном из писем высказал мысль, что монголы намереваются установить свою власть ради японских воинов, которым на земле нет равных и силами которых они хотят поставить на колени Индию и Китай: «Поскольку японское военное искусство превосходит искусство других наций, наши луки и стрелы [используются] с непревзойденным мастерством, а наши доспехи заставляют трепетать даже богов... Монголы хотят захватить Японию. Если японские воины окажутся под их контролем, они будут способны покорить Китай и Индию. Страна монголов будет разрабатывать стратегию, а Япония – биться в поле за их победу. Никакая страна не сможет оказать сопротивление объединённым силам [японцев и монголов]. Вот почему монголы сейчас желают подчинить Японию» [Conlan, 2001, p. 201]. Следовательно, Эйан мог думать, что монголы добивались полного мирового господства.

Угроза нападения заставила императора Камэяму (1249–1305, правил 1259–1274) издать указ от 21-го числа 9-го месяца 1271 г.: «В последние дни небеса показали великое вол-

⁶ Речь Хубилая выглядит здесь вполне аутентичной, но С.В. Недачин извлек ее не из первоисточника, а из популярной книги Оовада Татэки «Сагами Таро», названной по детскому имени и прозвищу вышеупомянутого восьмого *сиккэна* из рода Ходзё.

нение. [Государь] не чувствует ни малейшего спокойствия. К тому же послы из Западных Владений (Кореи. – Ю.Д.) рассказали о замысле северных варваров [захватить Японию]. Этот факт [вторжения] проистекает из глубокого основания, которое нельзя легко различить. Многие испуганы [и хотят, чтобы] эта угроза навсегда исчезла. Пожалуйста, [вознесите молитвы] о мире. Нужно составить и записать заветие Нинно-э⁷ [против монголов]». Этот документ сохранился в дневнике Ёсида Цунэнага (1239–1309), который оставил свой комментарий: «Что касается основной страны монголов, то никто еще не читал про их историю. Настоящий документ северных варваров чрезвычайно подозрителен. Возможно, это чье-то косвенное предупреждение» [Conlan, 2001, p. 247].

Трудно сказать, знали ли японцы что-либо о монгольских завоеваниях за пределами Китая и Кореи. Более того, без ответа остается вопрос, счел ли Хубилай нужным информировать японское правительство о победах монгольского оружия вплоть до Европы и Ближнего Востока и поняли ли бы японцы в таком случае, о чем вообще идет речь. Представляется более вероятным отрицательное решение поставленных здесь вопросов. В данную эпоху японская вселенная представлялась состоящей из трех частей: Китая, Индии и самой Японии (изредка вычленили другие части)⁸. Соответственно, теперь одна из них – Китай – была захвачена монголами. Смена там власти вряд ли должна была произвести на японцев какое-то особенное впечатление: такое случилось не раз. Наверняка уже в первые десятилетия XIII в. сведения о новой политической силе просачивались на острова (по мнению Дж. Сэнсома, *бакуфу* тогда имело в Корею своих шпионов [Sansom, 1990, p. 438]), а во время покорения Хубилаем Южной Сун в Японию эмигрировали китайские буддийские монахи.

Возможно, первая монгольская атака осенью 1274 г. была пробой японской обороны. Вопреки заявлениям источников, монгольское войско вряд ли превышало 3000 человек [Conlan, 2020, p. 530]. Легко сломив сопротивление на островах Цусима и Ики, лежавших у них на пути, монголы и их соратники высадились в заливе Хаката, где и разгорелось главное сражение. Место было выбрано не случайно – Хаката был одним из узлов морской торговли в Восточной Азии [Nakata, 2013]. Японцы потерпели поражение, но не были полностью разбиты и отступили. Дальше произошло труднообъяснимое: на следующее утро победоносный монгольский флот покинул бухту. Современные историки склонны поддерживать скудные сведения источников о разыгравшемся ночью шторме⁹; среди причин называют также разногласия корейского и монгольского военачальников, из которых последний к тому же получил серьезное ранение самурайской стрелой. Так или иначе, эта экспедиция не принесла Хубилаю решающего успеха.

Первое монгольское нападение не разрядило, а, наоборот, усилило напряжение в отношениях между Юань и Японией. Прибывавших в Японию послов брали под стражу и казнили. Хубилай тоже отбросил дипломатическую вежливость и в 1279 г. пригрозил японским властям, что в случае неповиновения их страну ожидает судьба Южной Сун, с которой к тому времени было покончено. Два года спустя он попытался осуществить свою угрозу и, похоже, теперь был настроен на включение островов в состав своей империи. Основываясь на том факте, что монголы везли к берегам Японии земледельческие орудия, известный военный историк С. Тёрнбулл выражает уверенность, что теперь они планировали оккупацию [Turnbull, 2010, p. 55], и мы присоединяемся к его мнению. Вторая

⁷ Ритуал «Нинно-э», будучи одним из наиболее важных государственных ритуалов, включал чтение высокопоставленными священнослужителями «Праджняпарамита сутры», в которой, помимо прочего, описывается, как правитель может защитить свою страну от различных бедствий, прибегнув к силе будхисаттв.

⁸ О проблеме мироустройства в ранней японской буддийской мысли см.: [Blum, 2006].

⁹ См. взгляд на эти события специалистов-естественников: [Neumann, 1975; Woodruff et al., 2015].

инвазия летом 1281 г. была многочисленнее первой, но опять же гораздо меньше того, о чем говорит «Юань ши» (100 тысяч одних только китайцев), а ее подготовка оставляла желать лучшего.

Анонимное «Ясное зеркало» («*Масукагами*») описывает смятение, вызванное вторым монгольским вторжением: «Примерно в то же время известие о монгольском нашествии вызвало огромное волнение. После ряда ужасающих сообщений было решено, что оба отрекшихся императора (Го-Фуакуса (1243–1304, правил 1246–1260) и Камэяма. – Ю.Д.) должны отправиться на восток, а император (Го-Уда (1267–1324, правил 1274–1287). – Ю.Д.) и наследный принц остаться в столице под защитой воинов, которые будут посланы из Камакуры. Повсюду в храмах возносились бесчисленные молитвы. ... Отрекшийся император Камэяма лично отправился в святилище Хатиман, вызвал настоятеля Сайдайдзи и поручил ему прочесть всю “Сутру Великой мудрости” целиком. Петиция в Великий храм Исэ, написанная собственноручно отрекшимся императором, гласила: “Я умоляю вас лишить меня жизни, если Япония пострадает от этих беспорядков в мое время”. ... В Камакуре также было проведено множество неописуемо торжественных молебнов» [*The Clear Mirror*, 1998, p. 125]. Ходзё Токимунэ переписывал сутры кровью [Толстогузов, 1995, с. 233]. Однако счастливый финал боев не только успокоил людей, но и породил анекдотический рассказ о взятом в плен монгольском военачальнике: «Когда все было улажено, раздался всеобщий вздох облегчения, как в столице, так и на востоке. Ничего не могло быть лучше. Я не могу поручиться за правдивость этой истории, но говорят, будто огорченный монгольский вождь отказался даже пить горячую или холодную воду. Говорят, что он умер с клятвой на устах: “Я намерен покинуть этот мир, вернуться правителем Японии и привести эту страну к разрушению”» [*The Clear Mirror*, 1998, p. 125–126]. В других «Зерцалах», составленных вскоре после монгольских инвазий, сообщения о недавних потрясениях сведены к минимуму или просто игнорируются. Так, повествование «Зерцала Востока» («*Адзума кагами*») (1290-е гг.) завершается всего за полтора года до появления первого монгольского посольства, а в «Зерцале стража полей» («*Номори-но кагами*») (1295 г.) монголы находятся где-то на заднем плане как иностранная сила, хотя и опасная, но не способная серьезно угрожать Японии [Brightwell, 2020, p. 199].

Итак, удача вновь отвернулась от Хубилая, и новая экспедиция завершилась еще хуже, чем предыдущая. Похоже, на этот раз в планы завоевателей действительно вмешалась стихия. Кратковременности непогоды хватило, чтобы потопить значительную часть юаньского флота вместе с людьми. Из выживших многих перебили самураи. Специалисты чаще видят основную причину катастрофы в плохом качестве кораблей, пришедших из Южного Китая. Согласно результатам подводных археологических исследований, эти суда строились в спешке, с грубыми нарушениями технологии. В противном случае шторм не оказал бы на них столь фатального воздействия [Delgado, 2009, p. 147–150]. С данным выводом не вполне согласен Р. Сасаки, детально изучавший поднятые со дна фрагменты древесины, оставшиеся от юаньских кораблей [Sasaki, 2015, p. 138–141].

Общеизвестно, что тайфуны 1274 и 1281 гг. получили в Японии название «божественного ветра» («*камикадзэ*»). Однако, как показал Т. Конлэн, понятия «*камикадзэ*» нет в документах Камакуры, относящихся к монгольским инвазиям; оно встречается лишь в дневниках придворных [Conlan, 2001, p. 255]. О божественной поддержке молчит и Такэдзаки Суэнага в своих комментариях к знаменитым свиткам [Conlan, 2001, p. 254]. Это видится нам достаточно логичным: при всем почтении к местным божествам, ни *бакуфу*, ни тем более Суэнага, искавший награды за свои боевые действия на Кюсю, не были заинтересованы отдавать божественным силам пальму первенства в победе над захватчиками. Комплексный анализ источников привел Т. Конлэна к убеждению (манифестированному уже в самом

названии его монографии), что японские воины были способны остановить монголов безо всякого божественного или метеорологического вмешательства [Conlan, 2001, p. 255]¹⁰.

Так или иначе, оба вторжения обернулись для монголов большими потерями и, по сути, полным провалом. Япония отказалась признать монгольскую власть. Впрочем, очередное фиаско не сразу охладило их завоевательный пыл. На острова продолжали прибывать юаньские посольства. Некоторые уникальные сведения о них можно найти в «Записях о драгоценных для страны добрососедских отношениях» («Дзэнрин кокухоки») – хронике внешних связей Японии с древних времен до XV в., которую завершил в 1470 г. Дзукэй Сюхо (1391–1473), священнослужитель дзэн из Киото, хорошо знакомый и с китайскими, и с японскими дипломатическими материалами. Он высказал мысль, что монголы сперва стремились к дружеским контактам с Японией, но японцы пренебрежением монгольских посланий сами довели себя до беды: «На самом деле [я думаю, что] письмо [от 1266 года из Китая] показывает, что юаньский двор изначально хотел установить хорошие отношения с Японией. Не потому ли, что Япония беспечно отнеслась к этому, дело дошло до вторжения монгольской армии? Именно потрясающая духовная мощь “Страны богов” привела к поражению армии варваров менее чем за день. Что касается [монголов], поскольку поражение навлекло позор на их страну, они не пишут правды [об этом], заявив лишь, что “наступление против Японии было прекращено по приказу императора”. История всегда пишется подобным образом» [Verschuer, 2002, p. 433–434].

Только в «Записи о добрососедских отношениях» сохранилось письмо Хубилая от 1283 г., отсутствующее как в других японских источниках, так и в «Юань ши» и «Синь Юань ши». Прочитав из него некоторые важные для нашей темы извлечения. Во-первых, Хубилай напоминает императору Японии о своем обладании Мандатом Неба, что, как минимум, дает ему право диктовать свои условия и наставлять в нормах поведения несмотря на две неудачные попытки добиться этого силой: «Император [Хубилай хан], получивший небесный мандат, посылает свои императорские инструкции правителю Японии. ... Вам следует задуматься над своим поведением и воспитывать в себе вежливость, подчиняться нам и отдавать нам дань уважения». И если данные обороты можно считать вполне типичными для китайской дипломатии, основательно усвоенной Хубилаем, то в концовке послания обнаруживается момент, который с не меньшим основанием может быть истолкован как рудимент монгольской внешнеполитической доктрины: «Мы посылаем вам эти инструкции, потому что [ваши действия] принесут [вам] либо удачу, либо несчастье. Небеса дадут нам всем знать. Это наш приказ. Тщательно обдумайте ситуацию» [Verschuer, 2002, p. 435]. Фраза, переданная здесь как «Небеса дадут нам всем знать», сильно напоминает финальную часть монгольских ультиматумов, восходящую, как принято думать, к «Великой Ясе» Чингис-хана: «В посланиях, которые он (Чингис-хан. – Ю.Д.) посылал во всех направлениях, призывая народы к повиновению, он никогда не прибегал к запугиванию или насильственным угрозам, как это было принято у древних царей-тиранов...; монголы, напротив, в знак своего окончательного предупреждения написали бы так: “Если вы не подчиняетесь и не сдаетесь, то что мы знаем об этом? Древний Бог, Он знает”» [Juvaini, 1958, p. 25–26]. Этот «Древний Бог» и есть Вечное Синее Небо, в чьем ведении пребывают все живущие на земле, а поскольку монголы верили в свое небесное покровительство,

¹⁰ Любопытно, что первый минский император пытался убедить японцев в обратном, объясняя их успехи в военных столкновениях с монголами не доблестью самураев, а именно случайно налетевшими тайфунами. Так, в 1381 г. в письме *сёзуну* Асикага Ёсимицу (1358–1408, правил 1368–1394) Чжу Юаньчжан сообщал: «Япония не была врагом Юань и не причиняла вреда своим соседям, но Юань, идя наперекор воле Небес, наслаждалась силой и чтит военную мощь. Море и ветер разбушевались и потопили их огромные суда и отборные войска. Но ты, о сёгун, рассматриваешь это как результат способностей твоих соотечественников. Ты никогда не испытывал силы армий Юань» [Wang Yi-t'ung, 1953, p. 18].

цитированный фрагмент мог означать только последнее предупреждение. Игнорирование воли Неба не могло привести ни к чему хорошему.

Обычно полагают, что в 1286 г. монголы навсегда отбросили мысль подчинить Японию¹¹, но это не совсем так. Последнее требование покорности датируется 1299 г. и связано с именем внука Хубилая, второго юаньского императора Тэмур (1265–1307, правил 1294–1307). Письмо доставил буддийский монах И-шань И-нин (Иссан Итинэй, 1274–1317) [Matsunaga A., Matsunaga D., 1976, p. 222]: «Летом года *канотоми* [1281] флотилия парусников из Юань отправилась в разведывательную экспедицию в наши западные [прибрежные] регионы. Боги показали свою силу, и флот был разбит и уничтожен штормом. Тем не менее [в 1299 году] правитель Юань не смог контролировать свои амбиции [которые были столь же яростными, как у первого императора Китая] Цинь [Шихуанди, правил в 246–210 гг. до н.э.], и он составил много странных проектов. Поскольку наша страна почитает Будду, он поручил [буддийскому священнику Иссану Ити]нэю попытаться уговорить нас подчиниться [Юань]. Под давлением [императора] [Ити]нэй не смог отказаться [от этой миссии]. Он сел на корабль и прибыл в Дадзайфу» [Verschuer, 2002, p. 436]. Как хорошо видно из данного сообщения, юаньские имперские идеи вновь были встречены в Японии безо всякого уважения. Разумеется, никаких ощутимых последствий миссия Итинэя не возымела, хотя сам он занял не последнее место в буддийской иерархии Японии. Тем не менее *бакуфу* не ослабляло контроль западного побережья Кюсю вплоть до 1348 г. [Conlan, 2001, p. 235].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Дулина А.М. «Хатиман гудо:кин» как источник по истории монгольского нашествия в Японию в 1274 и 1281 гг. *История и культура традиционной Японии*. Вып. 8 (Orientalia et Classica: Труды ИВКА. Вып. LVII). СПб.: Гиперион, 2015. С. 123–132 [Dulina A.M. “Hachiman gudo:kin” as a Source on the History of the Mongol Invasion of Japan in 1274 and 1281. *History and Culture of Traditional Japan*. Issue 8 (Orientalia et Classica: Proceedings of IOSA. Issue LVII). Saint Petersburg: Hyperion, 2015. Pp. 123–132 (in Russian)].

Дулина А.М. *Метаморфозы Хатиман: грозный бог войны или милосердный бодхисаттва? Становление и эволюция культа божества Хатиман в Японии в VIII–XIV вв.* М.: Круг, 2018 [Dulina A.M. *Metamorphoses of Hachiman: The Terrible God of War or the Merciful Bodhisattva? Formation and Evolution of the Cult of Hachiman in Japan in the 8th – 14th centuries*. Moscow: Krug, 2018 (in Russian)].

Кадырбаев А.Ш. Монгольские вторжения на японские острова в XIII веке (по материалам китайских династийных историй). *XXXVII научная конференция «Общество и государство в Китае»*. М.: Восточная литература, 2007. С. 61–70 [Kadyrbayev A.Sh. Mongol Invasions of the Japanese Islands in the 13th Century (Based on Chinese Dynastic Stories). *XXXVII Academic Conference “Society and Government in China”*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2007. Pp. 61–70 (in Russian)].

Книга Марко Поло. *Путешествия в восточные страны*. М.: Мысль, 1997. С. 190–380 [The Travels of Marco Polo. *Travels to Eastern Countries*. Moscow: Mysl, 1997. Pp. 190–380 (in Russian)].

¹¹ «В день цзя-суй (1 февраля) (1286 г. – Ю.Д.) государь, ввиду того, [что] японцы изолированные и далекие островные дикари, а на простой народ налагаются тяжкие усилия [при подготовке похода на Японию], отменил карательный поход на Японию и призвал [Лай] Абачи прибыть ко двору, вследствие чего распустил тот простой народ и суда, которые рассчитывалось [использовать в походе]» [Храпачевский, 2019, с. 479]. Похоже, Дзукэй Сюхо в цитированном выше пассаже был совершенно прав – хаган нашел благовидное объяснение прекращению подготовки к третьему вторжению.

Коляда М.С. «Иллюстрированный рассказ о монгольском вторжении» («Мо:ко сю:рай экотоба»). *История и культура традиционной Японии*. Вып. 9 (Orientalia et Classica: Труды ИВКА. Вып. LXV). СПб: Гиперион, 2016. С. 121–139 [Kolyada M.S. “An Illustrated Story about the Mongol Invasion” (“Mo:ko siu:ray ekotoba”). *The History and Culture of Traditional Japan*. Issue 9 (Orientalia et Classica: Proceedings of IVKA. Issue LXV). St. Petersburg: Hyperion, 2016. Pp. 121–139 (in Russian)].

Недачин С.В. Поход Императора Хубилая на Японию (по китайским, корейским и японским источникам). *Отчет о деятельности общества русских ориенталистов в С.-Петербурге за 1910 год*. СПб.: Типо-Литография Н.И. Евстифеева, 1911. С. 31–65 [Nedachin S.V. Emperor Qubilai’s Campaign against Japan (according to Chinese, Korean, and Japanese sources). *Report of the Society of Russian Orientalists in Saint Petersburg, 1910*. Saint Petersburg: Tipo-Litografiya N.I. Evstifeeva, 1911. Pp. 31–65 (in Russian)].

Россаби М. *Золотой век империи монголов*. Пер. С.В. Иванова. СПб.: Евразия, 2009 [Rossabi M. *Khubilai Khan: His Life and Times*. S.V. Ivanov (tr.) St. Petersburg: Evraziya, 2009 (Russian translation)].

Толстогузов А.А. *Очерки по истории Японии VII–XIV вв. Становление феодализма*. М.: Восточная литература, 1995 [Tolstoguzov A.A. *Essays on the History of Japan in the 7th–14th Centuries. The Formation of Feudalism*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1995 (in Russian)].

Храпачевский Р.П. «Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4–17 «Юань ши»). Пер. и комм. Р.П. Храпачевского. М.: ЦИВОИ, 2019 [Khrapachevsky R.P. “Annals of Qubilai”, the Main Source on the History of the Reign of the First Emperor in the Yuan Dynasty (juan 4–17 of “Yuan shi”). R.P. Khrapachevsky (tr., comm.) M.: TSIVOI, 2019 (in Russian)].

Blum M.L. The Sangoku-Mappō Construct. Buddhism, Nationalism, and History in Medieval Japan. *Discourse and Ideology in Medieval Japanese Buddhism*. R.K. Payne, T.D. Leighton (eds.) London – New York: Routledge, 2006. Pp. 31–51.

Bockhold W. *Der Hachiman-gudōkun (I) als historische Quelle, insbesondere zu den Invasionen der Mongolen in Japan*. Dissertation an der Ludwig-Maximilians-Universität zu München, 1982.

Brightwell E.L. *Reflecting the Past: Place, Language, and Principle in Japan’s Medieval Mirror Genre*. Cambridge, MS: Harvard University Asia Center, 2020.

The Clear Mirror. A Chronicle of the Japanese Court during the Kamakura Period (1185–1333). G.W. Perkins (tr.) Stanford: Stanford University Press, 1998.

Conlan T.D. *In Little Need of Divine Intervention: Takezaki Suenaga’s Scrolls of the Mongol Invasions of Japan. Translation with Interpretive Essay*. Ithaca: Cornell University East Asia Program, 2001.

Conlan T.D. Japan, 1200–1550. *The Cambridge History of War*. Vol. II. A. Curry, D. Graf (eds.) Cambridge: Cambridge University Press, 2020. Pp. 523–553.

Delgado J. *Khubilai Khan’s Lost Fleet: History’s Greatest Naval Disaster*. London: The Bodley Head, 2009.

Hakata. *The Cultural Worlds of Northern Kyushu*. A. Cobbing (ed.) Leiden; Boston: Brill, 2013.

Ishii Susumu. The Decline of the Kamakura Bakufu. *The Cambridge History of Japan*. Vol. 3. Kozo Yamamura (ed.) Cambridge: Cambridge University Press, 1990. Pp. 128–174.

Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. J.A. Boyle (ed.) Vol. I–II. Manchester: Manchester University Press, 1958.

Kawazoe Shoji. Japan and East Asia. *The Cambridge History of Japan*. Vol. 3. Kozo Yamamura (ed.) Cambridge: Cambridge University Press, 1990. Pp. 396–446.

Keene D. *Seeds in the Heart: Japanese Literature from Earliest Times to the Late Sixteenth Century*. New York: Columbia University Press, 1999.

Kyotsu Hori. *The Mongol Invasions and the Kamakura Bakufu*. PhD dissertation. Columbia University, 1967.

Li Narangoa. The Mongol Invasions of Japan and their Legacy. *The Mongol World*. T. May, M. Hope (eds.) New York; London: Routledge, 2022. Pp. 907–920.

- Ma Guang. Tributary Ceremony and National Security: A Reassessment of Wokou Diplomacy between China and Japan during the Early Ming Dynasty. *Journal of Asian History*. 2017. Vol. 51. No. 1. Pp. 27–54.
- Matsunaga A., Matsunaga D. *Foundation of Japanese Buddhism. Vol. II. The Mass Movement (Kamakura & Muromachi Periods)*. Los Angeles – Tokyo: Buddhist Books International, 1976.
- Nakaba Yamada. *Ghenkō, the Mongol Invasion of Japan*. New York: E.P. Dutton & Company, 1916.
- Neumann J. Great Historical Events that were Significantly Affected by the Weather: I. The Mongol Invasions of Japan. *Bulletin of the American Meteorological Society*. 1975. Vol. 56. No. 11. Pp. 1167–1171.
- Repp M. Hachiman – Protecting Kami of the Japanese Nation. *Religion and National Identity in the Japanese Context*. K. Antoni, H. Kubota, J. Nawrocki, M. Wachutka (eds.) Münster – Hamburg - London: LIT, 2002. Pp. 169–192.
- Sansom G. *A History of Japan to 1334*. Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1990.
- Sasaki R.J. *The Origins of the Lost Fleet of the Mongol Empire*. Texas A & M University Press, 2015.
- Turnbull S. *The Mongol Invasions of Japan: 1274 and 1281*. Oxford: Osprey Publishing, 2010.
- Tyler R. *Iwashimizu Hachiman in War and Cult*. Middleton, DE: Blue-Tongue Books, 2017.
- Verschuer Ch. von. Japan's Foreign Relations 1200 to 1392 A.D.: A Translation from "Zenrin Kokuhōki". *Monumenta Nipponica*. 2002. Vol. 57. No. 4. Pp. 413–445.
- Wang Yi-t'ung. *Official Relations between China and Japan, 1368–1549*. Cambridge: Harvard University Press, 1953.
- Woodruff J.D., Kanamaru K., Kundu S., Cook T.L. Depositional Evidence for the Kamikaze Typhoons and Links to Changes in Typhoon Climatology. *Geology*. 2015. Vol. 43. Pp. 91–94.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДРОБЫШЕВ Юлий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Yuliy I. DROBYSHEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.